

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка»

Л.Э. Пракалович

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ
В БЕЛАРУСИ В XIX В.**

Монография

Минск 2010

УДК 947.6
ББК 63.3(4 Бел)
П804

Печатается по решению кафедры истории Беларуси БГПУ
(протокол № 9 от 24.03.09)

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор,
декан исторического факультета БГПУ *Н.М. Забаевский*;
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой славянской истории
и методологии исторической науки БГПУ *А.П. Житко*

Пракапович, Л.Э.

П804

Становление и развитие фабрично-заводской промышленности в
Беларуси в XIX в. : монография / Л.Э. Пракапович. – Минск : БГПУ, 2010. – 156 с.
ISBN 978-985-501-842-2.

В монографии отражены процессы генезиса капитализма в промышленности Беларуси. Рассматриваются и анализируются этапы развития фабрично-заводской промышленности, дается сравнение с аналогичными процессами в других экономических регионах Российской империи. Выясняются причины низких темпов развития промышленности Беларуси, преобладания на ее территории не только мелкотоварного, но и ремесленного производства, что сдерживало темпы развития мануфактурного и фабрично-заводского производства в период капитализма.

Адресуется ученым, аспирантам, студентам исторических факультетов, всем интересующимся историей Беларуси.

УДК 947.6
ББК 63.3(4 Бел)

ISBN 978-985-501-842-2

© Пракапович Л.Э., 2010
© БГПУ, 2010

ГЛАВА 1 ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

В советской историографии теория К. Маркса и Ф. Энгельса о социально-экономических формациях предопределяла не только характер, но и результаты исследований ученых, которые были посвящены процессу зарождения и развития буржуазных отношений в промышленности того или иного региона. Они считали, что начальным периодом генезиса капитализма был период массового перерастания ремесла в мелкое товарное производство и мануфактуру [42, 55, 56, 162, 201, 223, 232]. Однако еще в XIX в. исследователи отмечали, что капиталистическая мануфактура не только уничтожает побочные промыслы и ремесло, но в определенных отраслях промышленности и в определенное время она приводит их к дальнейшему развитию.

В буржуазной историографии генезиса капитализма в промышленности в Российской империи и ее отдельных регионах, как утверждали советские историки, много внимания уделялось роли торгового капитала как первой стадии этого процесса, сменившейся затем промышленным капиталом, и появление крупного капиталистического, в том числе и фабрично-заводского производства, относилось к первой половине XIX в. [54, 83, 226].

К. Маркс в «Набросках ответа на письмо В.И. Засулич» писал: «...Если бы русские поклонники капиталистической системы стали отрицать теоретическую возможность подобной эволюции, я спросил бы их: разве для того, чтобы ввести у себя машины, пароходы, железные дороги и т.п., Россия должна была, подобно Западу, пройти через инкубационный период развития машинного производства? Пусть заодно они объяснят мне, как это им удалось сразу ввести у себя весь механизм обмена (банки, кредитные общества и т.п.), выработка которого потребовала на Западе целых веков?» [79, с 401].

Как мы видим, марксисты считали, что законы капиталистического развития проявляют свое действие и в Российской империи, и отдельных регионах в пореформенный период, однако, в силу ограниченности источников, они фактически не замечают, что в России был достаточно длительный инкубационный период зарождения новых буржуазных отношений, ведь не случайно и не только благодаря влиянию Запада накануне отмены крепостного права промышленное развитие Российской империи «...достигло такой степени, при которой существующие социальные отношения больше не могут продолжаться» [78, с. 635-636].

Отмечая наличие феодально-крепостнических пережитков в России после реформы 1861 г., К. Маркс видит общую тенденцию социально-экономического развития страны по капиталистическому пути, которая, «...очувтившись в лоне буржуазного общества, ...будет подчинена его неумолимым законам...» [79,

с. 120]. Впервые применив свою теорию исторического материализма к изучению истории Российской империи, К. Маркс и Ф. Энгельс фактически заложили основы марксистской отечественной историографии XIX в.

Г.В. Плеханов по праву занимает виднейшее место среди тех, кто развивал и продолжал учение К. Маркса и Ф. Энгельса применительно к российской действительности. Не оставался в поле зрения Г.В. Плеханова и вопрос о зарождении капитализма в России. Критикуя идейные основы народнической идеологии в работах, посвященных российскому капитализму, Г.В. Плеханов рассматривает целый комплекс вопросов: характер внутреннего рынка, уровень развития кустарного производства, сбыта, численности рабочих и кустарей, развития мануфактурного и фабрично-заводского производства. Характеризуя Россию первых послереформенных десятилетий, он писал: «Капитализм стал фактом. Если после сказанного мы еще раз спросим себя, пройдет ли Россия школу капитализма, то, не колеблясь, можем ответить новым вопросом – почему же бы ей не окончить той школы, в которую она уже поступила?» [176, с. 270].

Однако для работ Г.В. Плеханова, посвященных зарождению и развитию капитализма в Российской империи, было характерно отрицание закономерности и исторической обусловленности зарождения товарного производства [176].

Н.Е. Федосеев, рассматривая характер реформы 1861 г. и ее историческое значение, связывал эти события с генезисом капиталистических отношений. По мнению Н.Е. Федосеева, реформа 1861 г. была вызвана предшествующим экономическим развитием России, желанием владельцев наиболее крупных помещичьих хозяйств перевести крестьян на вольнонаемный труд [222, с. 118].

В.И. Ленин поддержал выводы Н.Е. Федосеева об экономических причинах падения крепостного права. В рецензии на его работу он писал: «Замечания мои на работу о реформе исходили из того основного положения, что реформа – продукт развития товарного хозяйства и что весь ее смысл и значение состояли в том, что разрушены были те пути, которые сдерживали и стесняли развитие этого строя» [61, с. 16].

Много внимания этой проблеме уделял М.Н. Покровский, взгляды которого на историю России XIX в. сложились, в основном, в дореволюционный период. Критикуя взгляды буржуазных историков, М.Н. Покровский, под влиянием В.О. Ключевского, считал, что стержнем российской истории XIX в. является борьба между торговым и промышленным капиталом [181, с. 10].

В своем обобщающем труде «Русская история с древнейших времен» М.Н. Покровский анализирует состояние и характер внутреннего рынка,

наличие свободных рабочих рук в плане изучения предпосылок создания крупного промышленного производства [179, с. 560].

В историографии, в том числе и отечественной, исследователи часто отмечают абсолютизацию роли торгового капитала в экономической жизни Российской империи в XIX в., характерную для работ М.Н. Покровского. Однако они забывают, что этот историк фактически заложил основы теории генезиса капитализма. Его взгляды, его концепция оказали огромное влияние на формирование советской историографии.

В.И. Ленин с марксистских позиций попытался дать характеристику трех основных стадий развития капитализма в промышленности Российской империи и в ее отдельных регионах: простой капиталистической кооперации, капиталистической мануфактуры и фабрично-заводского производства. «Распространение мелких заведений ... расширяет товарное хозяйство, подготавливает почву для капитализма (создавая мелких хозяйчиков и наемных рабочих), а поглощение мелких заведений мануфактурой и фабрикой есть утилизация крупным капиталом этой подготовленной почвы» [61, с. 344-345].

В.И. Ленин, определяя место мануфактуры в общем развитии промышленного капитала, видел в ней промежуточное звено между мелким товарным производством с примитивными формами капитала и крупной машинной индустрией [62, с. 358]. И только фабричное производство может окончательно потеснить отживший феодальный способ производства, вести с ним конкурентоспособную борьбу.

В «Историко-статистическом обзоре промышленности России» под редакцией Д.А. Тимеязева и монографии М.И. Туган-Барановского содержится огромный фактический материал по истории развития промышленности в XIX в., однако совсем не разграничены понятия «мануфактура» и «фабрика», что отмечают и другие отечественные исследователи [41, 219].

В работах П.А. Орлова [160, 161, 218] содержится фактический материал по истории фабрично-заводской промышленности в Беларуси в XIX в., однако эти данные не всегда точные и полные.

М.В. Довнар-Запольский, исследуя экономику Беларуси с 1861 по 1914 г., относит начало процесса генезиса капитализма только к 80-м годам XIX ст., не замечая его ростки в более раннем периоде [33].

Очень подробно проанализировал процесс генезиса капитализма в промышленности в пореформенный период с марксистской точки зрения белорусский историк Д.А. Дудков [35].

Огромный фактический материал по исследуемой проблеме содержался в работах буржуазных историков и экономистов, лояльно относившихся к советской власти. Для этих работ были характерны описательность, изложение

фактов и процессов без всякой связи с конкретными историческими условиями и отсутствием широких обобщений [4, 12].

Интерес к истории российского рабочего класса был причиной выхода целого ряда работ по истории промышленности. Рассматривая историю промышленности в Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX в., М.С. Балабанов пишет, что для этого периода характерно переплетение принудительного и вольнонаемного труда, имея в виду переплетение феодальных и капиталистических отношений, объясняя это переплетение вызреванием буржуазных отношений в недрах феодального строя, т.е. генезисом капитализма [6, с. 23-24]. Стремление отдельных советских историков приписать М.С. Балабанову роль марксистского критика буржуазной концепции генезиса капитализма в промышленности Российской империи и отдельных ее регионах [211, с. 10] не имеет никаких оснований. М.С. Балабанов сам еще находился под сильным влиянием буржуазной историографии. Он утверждает, например, о развитии промышленного производства от фабричного к кустарному, о высоком уровне развития крупной промышленности в России во второй половине XVIII в. в сравнении даже со странами Западной Европы [6, с. 19] и т.д.

Большое значение для изучения проблемы генезиса капитализма имела дискуссия об общественно-экономических формациях конца 20-х – начала 30-х годов XX в. С.М. Дубровский впервые открыто подверг критике концепцию «торгового капитализма» М.Н. Покровского и отметил, что торговый капитал не образует особого способа производства, особой общественно-экономической формации» [34, с. 38].

Большинство советских историков согласились с С.М. Дубровским, и даже сам М.Н. Покровский в начале 30-х годов XX в. отказался от своей теории «торгового капитализма» [180, с. 80].

С.Г. Томсинский, выделяя признаки крепостной мануфактуры, относил к крепостнической всю промышленность Российской империи XVIII в. и первой половины XIX в. Вывод автора о том, что в «... феодально-крепостническом обществе и речи не могло быть о капиталистической фабрике» [215, с. 39], тем самым исключал из процесса генезиса капитализма в промышленности весь дореформенный период.

С.Г. Томсинского поддержал и М.П. Вяткин, который признавал, что господствующие феодальные отношения в дореформенный период приводят к уменьшению класса свободных рабочих, даже к их постепенному закреплению [18, с. 24], т.е. считал, что феодальные отношения проникают все глубже в промышленность, постепенно, но неуклонно подчиняя ее своим экономическим законам.

В 30-е годы XX в. выходит несколько работ Д. Кашинцева, посвященных истории металлургической промышленности Российской империи [51, 52], в которых проблема генезиса буржуазных отношений излагается по-прежнему в рамках теории «торгового капитала».

Однако в целом дискуссии конца 20-х – начала 30-х годов XX в. стимулировали теоретическую деятельность советских историков, ускорили преодоление вульгарно-экономического подхода к проблеме генезиса капитализма, но не устранили противоречия в оценке отдельных этапов этого процесса. Дискуссии доказали необходимость более углубленного изучения новых источников, дифференцированного подхода в оценке социально-экономических явлений не только в отдельных странах, но и в отдельных регионах этих стран.

Концентрированный итог исследований по социально-экономическому развитию Беларуси был подведен и отечественными историками в предвоенные годы. В монографиях К.И. Кернажицкого и В.И. Пичеты была предпринята попытка марксистского анализа общего хода развития экономики региона и стремление окончательно избавиться от концепции «торгового капитала» [53].

В 1944 г. выходит монография С.Г. Струмилина «Промышленный переворот в России», в которой автор пытался обосновать хронологические рамки промышленного переворота в Российской империи периода позднего феодализма, а точнее 30-50-ми годами XIX в. [213, с. 14]. Обсуждение этой проблемы повлекло за собой и обсуждение вопросов, связанных с проблемой генезиса в промышленности: об этапах развития и характере мануфактуры в Российской империи и смене ее капиталистической фабрики. Особого накала эта дискуссия достигла во второй половине 40-х – первой половине 50-х годов. В 1947-1948 гг. историки обсуждали вопросы о формировании капиталистического уклада в недрах феодализма, в 1952 г. – о промышленном перевороте, а в 1954 г. – о товарном промышленном производстве [47, с. 140].

Большое значение для разработки исследуемой проблемы имел выход целого ряда работ по истории экономики Российской империи [16, 69, 72, 226, 227].

Для историков, занимающихся вопросами, связанными с генезисом капитализма в национальных регионах Российской империи, в том числе и в Беларуси, был характерен перенос общероссийских характеристик социально-экономических процессов на местную почву, а также стремление доказать с помощью новых источников общие закономерности перехода от феодализма к капитализму.

В результате дискуссий 60-х годов XX в. пришли к выводу, что становление капитализма в Российской империи в отдельных ее регионах – это сложный и противоречивый процесс. В социально-экономической жизни

Российской империи в XVII, XVIII и первой половине XIX в. одновременно существовали, переплетались и развивались характерные явления, свойственные как феодальной, так и капиталистической формации.

В 1963 г. вышел сборник, посвященный генезису капитализма в промышленности [19]. В этот период развернулась и дискуссия по публикации В.К. Яцунского «Формирование русской промышленной буржуазии в первой половине XIX в.», опубликованной в сборнике «Генезис капитализма в промышленности» [19].

Автор четко разграничил посессионные и капиталистические предприятия и пришел к выводу, что большинство «промышленных династий» XVIII в. не перешли в XIX в., а новые капиталистические предприятия и их основатели появляются только в XIX в. [19, с. 421-423].

В 1965 г. был опубликован сборник статей, в который вошли работы участников дискуссий по проблеме генезиса капитализма [20]. В.К. Яцунский в своей статье выделил два пути формирования крупной промышленности: постепенное укрепление мелких заведений и появление сразу предприятий мануфактурного типа, или фабрик. Этому соответствовали и два основных источника формирования промышленной буржуазии: из мелких товаропроизводителей и из скупщиков и других представителей торгового капитала, но удельный вес основных путей ее формирования может быть определен только в результате тщательного изучения этого процесса по основным экономическим районам страны [20, с. 327-329].

В монографии З.Е. Абезгауза, посвященной развитию промышленности и формированию пролетариата в Беларуси во второй половине XIX в., дана очень беглая характеристика фабрично-заводского производства, а основное внимание уделено процессу формирования рабочего класса и его борьбе, что было характерно для большинства работ советского периода [1]. В монографии А.И. Вороновой есть данные о развитии промышленности в Беларуси в конце XIX в. [17].

Обобщающей работой по развитию промышленности в Беларуси в переходный период от феодализма к капитализму была книга М.Ф. Болбаса «Развитие промышленности в Белоруссии (1795-1861 гг.)» [9], в которой автор пытался определить условия развития промышленного производства, дал классификацию всех предприятий, охарактеризовал три этапа развития капитализма в промышленности Беларуси, выяснил происхождение и состав рабочих промышленных предприятий.

Авторы учебного пособия «Историография БССР (эпоха феодализма)» Копыцкий З.Ю. и Чепко В.В. правильно отмечают, что попытка М.Ф. Болбаса рассмотреть огромное количество вопросов, связанных с условиями экономического развития Беларуси (значение присоединения региона к России,

кризис крепостнической системы, развитие торговли, состояние городов и местечек, изменения социального состава и плотности населения) в рамках одной главы привели к тому, что автор лишь излагает общие положения из учебника «История БССР» [59, с. 118]. Подобный подход приводит автора к упрощенному пониманию процесса разложения и кризиса крепостнической системы, к неверным положениям и выводам [9, с. 34, 35, 39, 41].

Трудно согласиться с автором и в том, что факты найма мастеров и опытных рабочих (чаще всего из-за границы) помещиками на вотчинные мануфактуры свидетельствовали якобы об эволюции этих предприятий к капиталистическому производству [9, с. 82], как и отнесение к капиталистическим фабрикам помещичьих сахарных и железнодорожных заводов [9, с. 95-99].

Сделав достаточно правильный вывод о том, что «промышленность Белоруссии и в 1860 г. не достигла общероссийского уровня» [9, с. 204], в следующей своей монографии М.Ф. Болбас отказывается от своего вывода, а в доказательство нового противоположного утверждения по непонятным причинам и без всякого объяснения приводит иные данные о состоянии промышленности Беларуси, нежели в предыдущей монографии: по численности рабочих «новые» сведения больше в 4,5 раза и по сумме производства – в 2,3 раза [11, с. 93]. Автор «легко и свободно» оперирует цифрами, поэтому, видимо, не случайно таблицы М.Ф. Болбаса составлены без ссылок на источники [9, с. 240-255], ведь никто не гарантирует их точности, в том числе и сам автор.

Широкий круг вопросов, которые исследует автор, не позволили ему проследить весь процесс общественного разделения труда, т.е. создания базы для развития фабрично-заводского производства.

Развитию промышленности Могилевской губернии в период кризиса крепостничества посвящена статья М.Г. Лысенко [68, с. 3-21].

Монографические исследования отдельных сторон проблемы генезиса капитализма в промышленности Беларуси определили и общую характеристику этого процесса в обобщающих изданиях, ведь авторами этих изданий были вышеназванные историки [27, с. 353-386, 444-449, 472-499; 49, с. 80-91, 102-111]. Авторы считают, например, что во второй половине XIX в. местечки становятся центрами вотчинной промышленности, применявшей наемный труд [49, с. 26]. Исследователями же подсчитано, что в конце XVIII в. из 2284 работающих на промышленных предприятиях в местечках только 620 человек были вольнонаемными, что составляло 27% от общего числа рабочих [75, с. 149-156].

Хотелось бы коснуться и обобщающих историографических работ по социально-экономическому развитию Беларуси в XIX в. Их появление

свидетельствовало о стремлении историков не только подвести итоги, но и наметить новые задачи изучения данной проблемы [44, 50, 59, 86, 87].

В последние годы вышло несколько монографических исследований, авторы которых затрагивают отдельные стороны проблемы места и роли фабрично-заводской промышленности в процессе генезиса капитализма в Беларуси [38, 73, 182, 229, 228].

Однако остались до конца невыясненными вопросы об уровне, объеме и характере фабрично-заводского производства, численном, социальном и национальном составе рабочих и владельцев предприятий подобного типа, иными словами не определено значение фабрично-заводской промышленности в капитализации экономики Беларуси и в процессе формирования классов буржуазного общества. Математические методы исследования (контент-анализ, метод графов, таблицы случайных чисел и др.) позволили выдвинуть **концепцию** об относительно низком уровне развития фабрично-заводской промышленности и слабом ее влиянии на процесс генезиса капитализма в Беларуси.

Объектом исследования является процесс генезиса капитализма в Беларуси, **предметом** – становление и развитие фабрично-заводской промышленности в Беларуси и ее роли в экономике региона.

Детальный археографический и источниковедческий анализ изданий документов по истории Беларуси периода позднего феодализма и пореформенного периода содержится в работах А.П. Игнатенко, З.Ю. Копысского и Н.Н. Улащика [41, 58, 221].

Для исследования очень важны Актовые книги Великого княжества Литовского (1516-1831 гг.), документы Главного Литовского суда (1797-1831 гг.) [41, с. 13].

Особое значение имеют публикации документов и материалов по истории промышленности. Хотя правительственные органы и требовали от владельцев предприятий ежегодно подавать сведения о характере производства, объеме производимой продукции, численности рабочих, местах сбыта и закупки сырья, однако составители сборников из-за отсутствия данных не смогли дать полную и сопоставимую картину промышленного развития края. Материалы очень разнообразны и разноречивы, к тому же отсутствует единый принцип отбора сведений [7].

В монографии широко использованы обзоры состояния белорусских городов, статистические данные и таблицы общероссийского масштаба, касающиеся белорусских губерний [158, 173, 204, 205, 206, 207, 208, 210, 231]. Зачастую статистические сведения вызывают сомнения, бывают противоречивы и недостоверны, поэтому весь фактический материал по мере возможности проверялся и уточнялся первичными архивными данными, т.е.

местными материалами, служившими основой для составления отчетов и статистических таблиц.

Значительно пополнили источниковую базу по исследуемой проблеме материалы для географии и статистики, собранные офицерами Генерального штаба в середине 50-х годов XIX в. [8, 40, 60].

О развитии промышленности имеются данные в «Военно-статистическом обозрении Российской империи» [13, 14, 15], в «Памятных книжках» областей и губерний [163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170] и обзорах белорусских губерний за отдельные годы второй половины XIX в. [144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157].

В монографии были использованы также данные «Карты промышленности Европейской России со сведениями о фабриках, заводах, административных местах по мануфактурной части, главнейших пристанях, карантинах и пр.», «Карты сообщений Европейской России» и неопубликованного статистического атласа министерства иностранных дел за 1850 г., составленного Н.А. Милютиным [195, 196].

Архивные материалы, которые послужили основой, были почерпнуты из фондов Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге (РГИА), Национального исторического архива Беларуси в Минске (НИАБ), Национального исторического архива Беларуси в Гродно (НИАБ в Гродно), Государственном историческом архиве Литвы (ГИАЛ), и Archiwum Główny Akt Dawnych w Warszawie (AGAD).

Многие архивные материалы РГИА дублируют данные НИАБ в Минске и Гродно, однако отдельные фонды существенно дополняют источниковую базу по истории фабрично-заводской промышленности в XIX в.

Указом сената от 7 июля 1811 г. в составе министерства внутренних дел был образован департамент мануфактур и внутренней торговли (фонд 18) [184]. В 1819 г. он был передан в ведение министерства финансов. Этот департамент состоял из четырех отделений: мануфактурного, внутренней торговли, отделения по акцизу с табака и свеклосахарного производства и счетного отделения. В фонде 18 содержатся ведомости о количестве выработанных и поданных изделий фабриками и заводами. Правда, В.К. Яцунский считал, что сведения департамента мануфактур и внутренней торговли о продукции промышленных заведений занижены на 15-20% [235, с. 190].

В 70-80-е годы XX в. оформилась иная оценка ведомостей министерства внутренних дел и министерства финансов. Авторы считали, что данные о мануфактурно-фабричной промышленности следует считать достоверными и вполне объективно отражающими действительность, т.е. уровень развития крупного промышленного производства [200, с. 296; 43, с. 175].

Сведения о промышленном развитии Беларуси приведены в отчетах губернаторов и полиции, которые собраны в фондах 13, 1263, 1274, 1284, 1297 РГИА. Первые отчеты губернаторов были составлены за 1804 г. (последние за 1916 г.) и только по отдельным губерниям. Составлялись они не регулярно, главным образом при смене губернаторов. До 1837 г. отчеты предоставлялись в министерство внутренних дел [80]. С 1827 по 1837 г. параллельно с отчетами по губерниям составлялись «всеподданнейшие» донесения губернаторов об обозрении губерний. Подлинные отчеты губернаторов отложились в основном в фондах комитета и совета министров (фонды 1263 и 1276), копии – в фондах департамента общих дел министерства внутренних дел (фонд 1284), совета министров внутренних дел (фонд 1281) и канцелярии министерства внутренних дел (фонд 1282). В фондах комитета и совета министров сохранились все отчеты, рассматривавшиеся этими учреждениями. По бывшим окраинам Российской империи отчеты хранятся за отдельные годы в фондах западного комитета (фонд 1267) и комитета по делам Царства Польского (фонд 1270)*.

К отчетам обычно прилагались статистические ведомости, подтверждающие данные текстового отчета. В 1842 г. число ведомостей выросло до 27. В ведомости № 18 помещены материалы о промышленных предприятиях.

Большой точностью данные, содержащиеся в отчетах губернаторов, не отличаются. В условиях бюрократической самодержавной России, – отмечают исследователи, – губернаторы, являясь фактически бесконтрольными правителями больших районов, совершенно не были заинтересованы в раскрытии истинного положения губернии, скорее приукрашивая действительность или замалчивая важные факты, особенно на окраинах империи [36, с. 240].

Для статистических таблиц в отчетах губернаторов характерны те же недостатки, которые были свойственны административной статистике Российской империи вообще. Сбором сведений занималась, в основном, полиция (исправник, становой пристав) и волостное правление, а также казенные палаты и предводители дворянства. Начавшие создаваться с 1835 г. губернские статистические комитеты бездействовали. Их деятельность активизировалась только после издания 26 декабря 1860 г. нового положения о них [36, с. 241].

Однако большинство историков считает, что столь разносторонний и насыщенный фактическим материалом источник можно использовать для сравнения, показа и анализа динамики какого-то явления или процесса (в данном случае генезиса буржуазных отношений в промышленности), а также для определения общих тенденций и закономерностей [88, 220].

* Здесь собраны в основном данные по Гродненской и Виленской губерниям

В фондах «Центрального статистического комитета министерства внутренних дел» (фонд 1290) и «Собственной его императорского величества канцелярии» (фонд 1409) собраны дела, дающие сведения не только о численности населения по губерниям, но и о числе промышленных заведений.

Сведения о развитии промышленности в XIX в. почерпнуты также из фонда канцелярии виленского генерал-губернатора (ГИАЛ, фонд 378) и НИАБ в Минске и Гродно. Особое место в источниковой базе занимают материалы фондов канцелярии минского (фонд 295), витебского (фонд 1430), могилевского (фонд 2001) и гродненского (фонд 1) гражданских губернаторов.

Сведения, хранящиеся в этих фондах, более достоверны, чем материалы РГИА, т.к. здесь сохранились не только копии, но и первичные данные, на основании которых составлялись отчеты. Сравнение данных показывает, что одни сведения в отчетах, сбор которых не был связан с фискальными целями и свидетельствовал о деятельности губернатора (дороги, ярмарки, промышленность), завышались, а связанные со сбором налогов и податей (численность населения, обязанного платить налоги, купеческие капиталы и т.п.) – занижались. Наличие первичных материалов позволяет уточнить статистические данные.

Некоторые сведения о промышленных предприятиях почерпнуты из фонда 333 (Минская казенная палата), а также из фондов уездных казначейств (фонды 335, 336, 2161, 2794 и др.). В работе широко использованы материалы фондов магнатов Радзивиллов (фонд 694) и Румянцева-Задунайского (фонд 3014).

Обширный фактический материал по исследуемой проблеме был почерпнут из фондов Центрального архива древних актов в Варшаве (AGAD), который был создан в 1808 г. как центральный польский архив, основными задачами которого были сбор и хранение «... актов давних хозяйственных, административных, военных, финансовых, помещичьих и дипломатических...» [236].

В архиве собраны материалы с XII в. и до конца первой мировой войны. В 6772 фондах собрано более 400 тыс. единиц хранения, в том числе и по истории Беларуси. Огромнейший фактический материал почерпнут из архивов Тызенгаузов [234] и Радзивиллов [235]. Семейные фонды этих магнатов позволяют дать достаточно точную характеристику магнатского хозяйства Беларуси первой половины XIX в. и показать влияние магнатского хозяйства на экономику региона, его роль и значение в процессе генезиса капиталистических отношений.

Интересен материал обязательных инвентарей 40-50-х годов XIX в., подробный анализ которых дан в работах Н.Н. Улащика, В.И. Неупокоева, Х.П. Стродса, П.Г. Козловского и В.В. Чепко [57, 87, 212, 219].

Статистический материал, данные массовых источников подвергались сравнительному анализу и математической обработке, при этом учитывались следующие принципы исследования: построение таблиц на основании данных массового порядка, а не отдельных фактов; составление динамических рядов статистических данных лишь из сопоставимых цифр; введение средних величин только для экономически однородных совокупностей, использование приема вторичной группировки на основе статистических данных источника; сочетание обобщений принципиального порядка со значительным количеством конкретных деталей; взаимосвязь изучаемых явлений; рассмотрение явлений и процессов с учетом всех социально-экономических, политических и других условий развития процесса генезиса капитализма в фабрично-заводском производстве в Беларуси в XIX в.

Наряду с традиционными методами анализа в монографии применялся формализованный метод, так называемый контент-анализ, суть которого сводится к тому, чтобы определить такие легко подсчитываемые данные документа, с помощью которых можно измерить его качественное содержание. Ограниченность формализованного анализа заключается в том, что далеко не все содержание документа может быть измерено с помощью формальных показателей.

Прежде всего, необходимо составить список интересующих исследователя индикаторов (первичных понятий). Далее вводятся категории – более укрупненные понятия, представляющие классы индикатора. Выделение смысловых единиц анализа является методологической задачей. Смысловой единицей должна быть социальная идея, социально-значимая тема. В тексте она может быть выражена по-разному: одним словом, устойчивым сочетанием слов, может вообще не иметь явного терминологического выражения и определяется описательно.

Приемы контент-анализа используются для обработки многочисленных сведений о торговле. На основе обстоятельного знакомства с материалами о торговле по ответам на хозяйственные анкеты, а также с топографическими и статистическими описаниями губерний XIX в. была составлена программа систематизации и формализации первичных данных о ярмарках, которая имела вид анкеты. Она включала 24 вопроса и все возможные варианты ответов на них, которые почти полностью исчерпывали информацию о торговле, заключенную в любом ответе.

Анализируемыми категориями явились варианты ответов, число которых колебалось от 3 до 76 для различных вопросов. Среди вопросов особый интерес вызывают следующие: профиль ярмарки по преобладающим на ней товарам; тип ярмарки по преобладающему характеру торговли; назначение ярмарки;

главные группы и типы товаров (местного и привозного характера), связь с другими ярмарками, состав участников ярмарок и т.д.

Результаты анализа были сведены в таблицы, детально раскрывающие характер и структуру ярмарочной торговли Беларуси в первой половине XIX в.

В данной работе этот метод широко использован не только при освещении вопроса о торговле в Беларуси, но на основании этого метода были разработаны программы формализации и генерализации данных о дифференциации крестьянства и промышленном развитии Беларуси. Этот метод был важен еще и потому, что источники первой половины XIX в. по своему характеру и принципам образования отличались от источников конца второй половины XIX в., что затрудняло их сопоставимый анализ. Формализация и генерализация источников, их контент-анализ помогли более точно охарактеризовать тенденции и закономерности, дать более расширенную трактовку данных.

Для установления достоверности информации массовых источников (губернаторских отчетов, переписей, инвентарей) применялся корреляционный анализ. Определяемый коэффициент корреляции (R) позволил установить, какая часть изменчивости зависимой переменной (одного явления) объясняется за счет изменчивости независимой переменной (другого явления).

Однако сложность этого метода состоит в том, что корреляционных коэффициентов существует около десяти разновидностей, каждый из которых имеет свою специфику, определенные допущения. Поэтому необходимо определять наибольшую эффективность используемого коэффициента при анализе данного исторического материала.

При вычислении корреляционной связи для динамических рядов возникает еще одна проблема. В том случае, когда значение корреляционного коэффициента велико, то говорят о тесной зависимости. В то же время на величину коэффициента и тем самым на характер его интерпретации влияет и количество выделенных временных интервалов. И получается, что величина корреляционного коэффициента при необоснованном выборе интервалов отражает не степень зависимости между признаками, а характер усреднения данных динамических рядов.

При рассмотрении вопроса о динамике численности рабочих цифровой материал был переведен в относительные числа. Были применены два разряда индексов – базисные и цепные. Основанием для базисных индексов был взят показатель численности рабочих в 20-е годы XIX в.

Обработку массовых источников (инвентарей, ревизских сказок) можно выполнять с помощью математических методов, особенно для выполнения очень трудоемких поисков сравнимых источников и их группировки. Описание программы группировки объектов, фактов, событий применяется по принципу наибольшего сходства (исходя из метода графов).

Математические методы помогают провести анализ источника на более высоком качественном уровне, точнее охарактеризовать тенденции и закономерности, дать расширенную трактовку данных. Качественное содержание источника становится измеримым в цифрах, становится доступным точным вычислительным операциям. Однако ограниченность формализованного анализа заключается в том, что далеко не все богатство содержания документа может быть измерено с помощью цифрового показателя. Ряд ученых отмечает преобладание субъективного фактора при составлении программ для математической обработки.

Применение выборочного метода основывается на законе больших чисел, суть которого сводится к следующему выводу: для того, чтобы узнать мнение людей по той или иной проблеме, совсем не обязательно опрашивать десятки тысяч человек, а можно ограничиться опросом нескольких сотен, т.е. при случайности выборки источника общий вывод будет таким же, как и при обработке всей массы источников по данному вопросу. Случайность выборки достигается с помощью специально разработанных таблиц случайных чисел.

Однако исследования последних лет показывают, что математические методы исследования массовых источников преобладают, ведь они дают возможность одному историку обработать достаточно быстро огромное количество фактического материала, что особенно важно при изучении процессов социально-экономического характера.

В этом плане особый интерес представляют новые методики для количественной обработки статистического материала. Необходимо использовать новые способы доведения разнотиповых источников (материалы и ведомости о развитии промышленности, составленные по отдельным уездам) до состояния сравнимости, что позволит применить количественные методы. Это придаст статистическим данным сравнимый характер и это было очень важно, так как официальная статистика, как местная, так и центральная, не отвечает этим требованиям, несмотря на видимость систематичности и точности, ведь она лишена единых принципов сбора, проверки и обработки поступившей информации, а кроме того, ее данные – как правило суммарные – не поддаются никакой проверке и группировке.

Все использованные в данной работе цифровые и формализованные материалы сгруппированы и сведены автором в таблицы.

Таким образом, введение в научный оборот новых архивных источников и использование математических методов их анализа позволили дать объективную характеристику роли и места фабрично-заводской промышленности в экономике Беларуси в XIX в., ее становление и развитие, а также показать региональные особенности социально-экономических и политических условий генезиса капитализма.